

ЛОМОНОСОВ — УЧЕНЫЙ И ГРАЖДАНИН [Из высказываний о М. В. Ломоносове]

Леонард Эйлер

«Все сии сочинения не токмо хороши, но и превосходны, ибо он изъясняет физические и химические материи, самые нужные и трудные, кои совсем неизвестны и невозможны были к истолкованию самым остроумным ученым людям, с таким основательством, что я совсем уверен о точности его доказательств. При сем случае я должен отдать справедливость г. Ломоносову, что он одарован самым счастливым остроумием для объяснения явлений физических и химических. Желать надобно, чтобы все прочие Академии были в состоянии показать такие изобретения, которые показал г. Ломоносов».

(М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч. Т. 10, М.—Л.: 1950, с. 573).

«Позвольте, милостивый государь, передать Вашему сиятельству мой ответ господину Ломоносову о чрезвычайно деликатном в физике предмете; я никого не знаю, кто был бы в состоянии лучше разъяснить этот трудный предмет, чем этот гениальный человек, который своими познаниями делает честь не только императорской Академии, но и всему народу».

(Л. Эйлер. Письмо к К. Г. Разумовскому. 13 августа 1748 г. Цит. по кн.: Пекарский П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. II, СПб, 1873, с. 379).

А. Н. Радищев

«В стезе Российской словесности Ломоносов есть первый. Беги, толпа завистливая, се потомство о нем судит, оно нелицемерно».

(А. Н. Радищев. Слово о М. В. Ломоносове.— В кн.: Путешествие из Петербурга в Москву. 1790; Полн. собр. соч. Т. I, Изд. АН СССР, М.—Л.: 1938, с. 379—392).

В. Г. Белинский

«С Ломоносова начинается наша литература; он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим...»

«На берегах Ледовитого моря, подобно северному сиянию, блеснул Ломоносов. Ослепительно и прекрасно было это явление! Оно доказало собой, что человек есть человек во всяком состоянии и во всяком климате, что гений умеет торжествовать над всеми препятствиями, какие ни противопоставляет ему враждебная судьба, что наконец, русский способен ко всему великому и прекрасному не менее всякого европейца».

(В. Г. Белинский. Литературные мечтания, 1834. Полн. собр. соч. М., 1953, т. I, с. 41—42).

«Ломоносов был человек с душой поэтической, ... но кому же неизвестно, что наука была преобладающей страстью его, и что заслуги его в области науки несравненно значительнее и выше, чем в области поэзии и красноречия?».

(В. Г. Белинский. Русский театр в Петербурге, там же, М., 1955, т. VII, с. 13—14).

А. С. Пушкин

«Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник».

(А. С. Пушкин. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова. Полн. собр. соч. Изд. 4, Л., 1978, т. 7, с. 21).

Н. В. Гоголь

«...Ломоносов стоит впереди наших поэтов, как вступление впереди книги. Его поэзия — начинающийся рассвет».

(Н. В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями. 1847. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, 1952, т. 8, с. 371).

Н. Г. Чернышевский

«Ломоносов страстно любил науку, но думал и заботился исключительно о том, что нужно было для блага его родины. Он хотел служить не чистой науке, а только Отечеству».

(Н. Г. Чернышевский. Избр. соч. М., 1934, с. 333).

К. А. Тимирязев

«Мне кажется, что личность первого русского ученого Ломоносова с его двоякою плодотворною деятельностью была как бы пророческой. Его деятельность как бы наметила те два пути, по которым преимущественно суждено было развиваться русской мысли. ...Это, прежде всего, Пушкин, Гоголь, Тургенев, Толстой, а после них на первом плане, конечно, представители того точного знания которое нашло себе первого страстного, неутомимого представителя в первом творце русского языка».

(К. А. Тимирязев. Соч., т. V, 1938, с. 40).

Б. Б. Голицын

«...Ломоносов допускает возможность электрических явлений в кометных хвостах. Эту мысль Ломоносова следует признать безусловно гениальной, так как только в последнее время астрономы выяснили то значение, которое могут иметь электрические силы при образовании кометных хвостов... Нельзя не удивляться гениальности Ломоносова, который еще в прошлом веке, при всем недостатке опытных данных, имел такое ясное и верное представление о роли и значении волнообразного движения в эфире».

(Б. Б. Голицын. О трудах Ломоносова по физике. 1898. Соч. М. В. Ломоносова с примеч. акад. М. И. Сухомлинова. СПб, 1898, т. 4, с. 371).

Д. Н. Анучин

«Обладая специальными знаниями в различных отраслях, он был в то же время первым компетентным популяризатором у нас науки; припомним его «слова» — о пользе химии, происхождении света, об электрических явлениях в атмосфере и др. Он был проникнут безграничным уважением к науке и старался внушить это уважение другим».

(Ломоносовский сборник. Материалы по истории химии в России. М. 1901, с. 9—10).

В. И. Вернадский

«Он опередил свое время правильной оценкой целого ряда недоступных его поколению явлений; он был впереди своего века и кажется нашим современником по тем задачам и целям, которые он ставил научному исследованию».

«И точно также, как в Ломоносове мы видим первого современного русского писателя, создателя русского литературного языка и первого замечательного поэта, основателя химической лаборатории, химика, физика — точно также в нем мы видим родоначальника минералогии и геологии в России».

(В. И. Вернадский. О значении трудов М. В. Ломоносова в минералогии и геологии. М., 1900, с. 3, 34).

Л. А. Чугаев

«Не укрылось от внимания Ломоносова и огромное значение для развития химии — количественных методов исследования или, говоря общее, сближение химии с физикой и математикой».

В этом отношении Ломоносов оказался настоящим пророком и как бы отцом современной физической химии».

(Л. А. Чугаев. Открытие кислорода и теория горения в связи с философскими учениями древнего мира. Пг., 1919, с. 56).

О. Ю. Шмидт

«Великий образ могучего борца за культуру и науку, образ гениального нашего соотечественника встает перед нами не только в юбилейные даты. Наоборот, Ломоносов с каждым годом все ярче нами ощущается как живой современник, как человек, подготовивший культурное развитие страны, как выходец из народа, воплотивший в себе народную талантливость, ту могучую силу народа, которая сейчас получила такое широкое и великолепное выражение».

(О. Ю. Шмидт. Вступительное слово. Торжественное заседание Академии наук по случаю 175-летия со дня смерти М. В. Ломоносова. Ломоносов в истории русской науки. Вестник АН СССР, 1940, № 4—5).

А. Е. Ферсман

«В Ломоносове боролись два разных человека. Один был классик и точный исследователь; многие годы в своей лаборатории он готовил длинный ряд цифр, и надо поражаться той точности, с которой он добывал основные величины для построения своих выводов. Но наравне с классиком, экспериментатором, исследователем в Ломоносове был

другой человек. Это был поэт, богатый фантазией, интуицией, вдохновением, горящий идеями...

Но в этой борьбе и в сочетании этих двух противоположных начал вся красота облика Ломоносова. То чувствуется в нем, в его спокойном, эпическом слове отзвуки величайшего мыслителя — бессмертного Гёте, то в неистовом порыве его исканий бурно нагромождаются новые идеи, как звуки бетховенских симфоний, то широко разливается его научная мысль в области искусства и техники, и знакомые черты Леонардо да Винчи вырисовываются в гениальных рисунках и построениях Ломоносова. И в этой борьбе гениального натуралиста-исследователя и поэта-романтика рождается все своеобразие фигуры великого помора, человека, пришедшего из народных масс, творца новых наук и новых идей, на столетия опередившего свой век, гениального мыслителя и великого гражданина нашей родины».

«Смелость, решительность, дерзание, граничащие с бурной фантазией, жажда знания „всего и вся“, знания до корней и до начала всех начал, глубокий философский анализ в сочетании с блестящим владением экспериментом и опытом, без которого он не видел науки — таков был Ломоносов».

(А. Е. Ферсман. Ломоносов в истории русской науки. Вестник АН СССР, 1940, № 4—5, с. 115).

А. В. Топчиев

«Ломоносов дал будущим поколениям ученых великий образец патриотизма, служения науке, преданности идеалам мира, международной солидарности и прогресса. Он всегда останется образцом и символом подлинного горения, пылкости, стремления охватить причинным рациональным объяснением все мироздание. Он навсегда останется символом связи науки и жизни».

(А. В. Топчиев. «Бессмертие», Правда, 1961, 19 ноября).

С. И. Вавилов

«Ломоносову по необъятности его интересов принадлежит одно из самых видных мест в культурной истории человечества».

«Ломоносов был первым русским ученым не потому, что он русский по национальности и с успехом прививал и развивал в России западно-европейскую науку. Он первый русский ученый еще и потому, что в нем впервые и с необычайной силой и выразительностью раскрылись те особенности русского научного гения, которые потом проявились в Лобачевском, Менделееве, Бутлерове, Лебедеве, Павлове и других представителях русской науки».

«Действительно, по объему и оригинальности своей оптикостроительной деятельности Ломоносова был ...одним из самых передовых оптиков своего времени, и, безусловно первым русским творческим оптотехником».

(С. И. Вавилов. Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1961, с. 21, 31, 113).

М. В. Келдыш

«Ломоносов принадлежит не только истории. Его имя и деяния всегда будут на знамени передовой советской науки, направленной на служение народу».

(М. В. Келдыш. Великий пример служения народу.— В кн.: «Ломоносов», сборник статей и материалов, т. VI, 1965, с. 9).

Смит Александр (Smith Alexander) — американский химик, профессор университета в Чикаго, автор учебника «Введение в неорганическую химию» (русский перевод: Одесса, 1911).

«В общем, открытие Ломоносова заново сразу прибавило химика первой величины и личность удивительной силы к ограниченному ряду величайших людей мира».

(A. Smith. An early physical chemist.— M. W. Lomonosoff.— J. Amer. Chem. Soc., 1912, vol. 34, p. 109—119; Science, 1912, vol. 26, p. 121—129. Перепеч.— в кн.: L. A. Goldblatt. Collateral readings in inorganic chemistry. N. Y.— London, 1937, p. 17—22).

Е. Мейер (E. von Meyer) — немецкий химик и историк химии, профессор Высшей технической школы в Дрездене.

«Несомненно Ломоносов был самым значительным из предшественников Лавуазье».

(E. von Meyer. Geschichte der Chemie von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. 4 Aufl., Leipzig, 1914, S. 151).

Д. Р. Партингтон (J. R. Partington) — английский химик и историк химии.

«Ломоносов был гениальным человеком и высказал много хороших мыслей, которые могли бы заметно продвинуть науку, если бы он разработал их подробно... Его родина, давшая так много выдающихся химиков, имеет полное право гордиться столь самобытным и талантливым человеком».

(J. R. Partington. A history of chemistry. Vol. 3, p. 202, 1962).

Г. М. Лестер (H. M. Leicester) — американский историк химии.

«Химия была только частью многосторонних интересов Ломоносова, но его мысли в области этой науки далеко опередили его время и, по видимому, оказали большее влияние, чем это обычно подозревают. Возможность этого должна быть изучена в будущем более тщательно. В настоящее же время многосторонний гений Михаила Ломоносова может быть признан во всем его объеме».

(H. M. Leicester. Mikhail Vasil'evich Lomonosov.— В кн.: Great chemists, ed. by E. Farber. N. Y.— London, 1961, p. 201—210).